

УДК 304.44

DOI 10.17726/phillT.2021.1.4

Характерные особенности цифровизации экономики Китая в первые десятилетия XXI в.

Каспарян Константин Викторович,

*кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры исторических и социально-философских
дисциплин, востоковедения и теологии Пятигорского
государственного университета,
г. Пятигорск, Россия
kasparyan@pgu.ru*

Рутковская Марина Валерьевна,

*кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры исторических и социально-философских
дисциплин, востоковедения и теологии Пятигорского
государственного университета,
г. Ессентуки, Россия
rutkovskayam@list.ru*

Аннотация. Данная статья посвящена осмыслению становления и развития цифрового сектора народного хозяйства в Китайской Народной Республике в первые десятилетия XXI в. В исследовании рассмотрены сущность цифровой экономики как таковой, история ее зарождения и развития, а также те преимущества, которыми она обеспечивает мировое хозяйство в области торговли и сферы услуг. Авторами изучены причины, обусловившие переход Китайского государства к цифровизации в более поздние сроки, чем в США и иных странах Запада, Японии и Кореи; охарактеризовано начало процесса создания сектора интернет-технологий в китайской экономике с объяснением факторов, обусловивших затруднения, с которыми столкнулась КНР в данной области на начальном этапе. Работа содержит анализ политики китайских властей в области развития высоких технологий в исследуемый период, а также причин и последствий коренных изменений, произошедших в процессе формирования сетевого компонента народного хозяйства Китая в 2010-х гг. Авторы дают объяснение значительным успехам, которых удалось достичь Китайской Народной Республике на мировом рынке высоких технологий,

с учетом специфики политической конъюнктуры в стране и ее влияния на внешнеэкономическую политику Поднебесной.

Ключевые слова: цифровизация Китая; интернет-плюс; интернет-предприятие; Алибаба Групп; Промышленный и Коммерческий Банк Китая; Тенсент; Хуавэй; сетевая (электронная) коммерция; научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР); предприятие, работающее в сфере высоких новых технологий; «китайская мечта».

The characteristics of digitalization of China's economy in the first decades of the 21-st century

Kasparyan Konstantin V.,

*PhD (History), associate professor,
associate professor of the chair of Historical and socio-philosophical
disciplines, oriental studies and theology of Pyatigorsk State
University,
Pyatigorsk, Russia
kasparyan@pgu.ru*

Rutkovskaya Marina V.,

*PhD (Philosophy), associate professor,
associate professor of the chair of Historical and socio-philosophical
disciplines, oriental studies and theology of Pyatigorsk State
University,
Essentuki, Russia
rutkovskayam@list.ru*

Abstract. The article is devoted to the comprehension of formation and development of digital sector of the national economy in the People's Republic of China in the first decades of the 21-st century. This study examined the essence of the digital economy as such, its inception and development, and the advantages, by which it supplies the world economy in the field of trade and services. The article explores the reasons, that led the transition of the Chinese State to digitalization at a later date than in the USA and other Western countries, and Japan and Korea. This study examines the beginning of the process of creating the Internet technology sector in the Chinese economy with an explanation of the factors that caused the difficulties that PRC faced at the

initial stage in this area at the initial stage. The work contains an analysis of the policy of the Chinese authorities in the field of the development of high technologies in the period under study. The authors explore the causes and consequences of fundamental changes which occurred during the formation of the network component of the national economy of China in 2010-s and explain the significant successes that the People's Republic of China has achieved in the global high-tech market, taking into account the specifics of political situation in the country and its influence on the foreign economic policy of the Celestial Empire.

Keywords: digitalization of China; Internet plus; Internet Enterprise; Alibaba Group; Industrial and Commercial Bank of China; Tencent; Huawei; Web (Electronic) Commerce; research and development work (R&D); High and new technology enterprise (HNTE); «chinese dream».

Введение

Современное человечество живет в условиях постиндустриального мира, т.е. эпохи автоматизации и компьютеризации производства, дистанционного образования, внедрения технических инноваций – иными словами, процесса перманентного реформирования оборудования и методики экономического развития. Данные процессы, по вполне объективным причинам, не обошли стороной и китайское государство, в котором происходит интенсивная цифровизация экономической системы.

В настоящий момент политическое руководство Китайской Народной Республики, опираясь на значительные финансовые, материальные и человеческие ресурсы своей страны, интенсивно внедряет основы цифровизации в Поднебесной, поступательно приближаясь, посредством реализации данного процесса, к лидирующим ролям во многих аспектах международной жизни и обретению статуса мировой державы и мирового технологического лидера.

Преобразования в области развития высоких технологий, инспирированные еще Дэн Сяопином и его окружением, позволили в итоге китайским гражданам обрести доступ к информационным технологиям Всемирной сети – Интернета, с его многочисленными базами данных и возможностями общаться с гражданами иных государств. Данные реформы также обеспечили китайцам возмож-

ность принять участие в самых разнообразных видах деятельности и получить новые виды досуга.

Актуальность темы подтверждается самим фактом того, что она является своего рода связующим звеном между историческим прошлым Китая, его многотысячелетним социально-экономическим, культурным и политическим наследием, и будущим Поднебесной.

Цель работы: анализ процесса цифровизации китайской национальной экономики, с учетом совокупности объективных и субъективных факторов, способствующих или препятствующих его эффективному развитию.

Материалы и методы исследования.

Специфика развития цифровой экономики в Китае отражена в значительном массиве научных работ. По мнению авторов данной статьи, наибольшее значение имеет коллективная монография китайских экономистов-практиков и ученых Ма Хуатэна, Мэн Чжаоли, Ян Дели и Ван Хуавэя «Цифровая трансформация Китая. Опыт преобразования инфраструктуры национальной экономики». В их работе детально раскрыт весь процесс цифровизации китайской экономики, приведен весь спектр статистических данных по изучаемой проблеме, дан объективный и обстоятельный сопоставительный анализ процесса цифровой трансформации народного хозяйства с идентичными явлениями в Соединенных Штатах Америки, странах Западной Европы, а также в Японии и Южной Корее. Большую значимость в данном вопросе имеют также научные идеи таких ученых, как И. Ю. Жилина, Ч. Й. Озкардез, Чун Яту, Юй Лили.

Цифровизация экономики КНР раскрыта, в той или иной степени, в исследованиях таких российских, китайских и западных специалистов, как О. Д. Андреева, И. Р. Гилилов, Ван Юань, В. Л. Василенок, К. С. Гуляева, Е. А. Коробова, Го Сяоцун, Ли Юнхуэй, Сюй Полин и др.

Результаты исследования и их обсуждение.

Цифровая экономика оказывает радикальное воздействие на мировоззренческие принципы, которыми руководствуются милли-

оны граждан во всем мире при реализации своих насущных потребностей в товарах и услугах. Данный инновационный вид экономики содействует внедрению современных аспектов рыночных отношений в различные сегменты экономических систем стран мира.

Сетевая экономика представляет собой процесс перманентного и безостановочного развития системы международного хозяйствования. Она обеспечивает не только уровень рентабельности хозяйствования в развивающихся странах (иначе говоря – слабо-развитых государствах), но и способствует повышению их общего жизненного уровня, обеспечению неимущих слоев населения необходимыми общественными благами. Цифровые средства коммуникации обеспечивают высококачественными медиапродуктами и связью и самые удаленные районы на уровне больших городов. Жители регионов, в недостаточной степени развитых в экономической сфере, благодаря высоким технологиям снабжаются потребными им данными о медицинских, образовательных и торговых услугах [1, р. 34].

Становление цифровой экономики пришлось на последнее десятилетие прошлого века. Коммерциализация сетевых ресурсов и сетевых технологий позволила народному хозяйству США сохранять качественно высокий уровень производства на протяжении столь длительного времени. Уже в 1999-2000 гг. в США и Канаде началось планирование инновационного общества на основе цифровизации экономической системы. Остальные ведущие страны Запада, а также Япония и Республика Корея вскоре последовали их примеру. В КНР, со времен реформ Дэн Сяопина, инновациям в экономике придается первостепенное значение, активно осваиваются высокие технологии – в соответствии с установками самого почитаемого постмонархического лидера Поднебесной, считавшего применение инновационных технологий необходимым условием развития страны [2, с. 11].

С начала 2000-х гг. в Китае стали уделять большое внимание информационно-коммуникационным технологиям. В то же время китайские политики и экономисты избегали употребления термина «цифровая экономика», заменяя его близкими по смыслу понятиями: информатизация, сращивание информатизации и промышленной базы, а также китайским термином «Проект «Золотой Рубеж»». Интенсивное внедрение информационных технологий в экономические процессы в КНР лишь в 2015 г. было ознамено-

вано упоминанием о концепции «Интернет+» – в отчете, представленном правительством. «Интернет-плюс» представляет собой средство ускорения модернизации экономики посредством внедрения сетевых инновационных приемов. В данный момент – на рубеже второго-третьего десятилетий XXI в. – в Китае осуществляется динамичное развитие нового вида хозяйствования параллельно с детальным анализом результатов воздействия цифровых технологий на экономический сектор. Китайские власти стремятся интенсифицировать процесс цифровизации экономики посредством усвоения опыта своих зарубежных партнеров – например, во время консультаций на саммите G20 в Ханчжоу в 2016 г., Всемирной интернет-конференции, прошедшей в том же году, а также организацией коллективных стажировок для ведущих предпринимателей КНР, проведением семинаров по интернет-безопасности. Цель, которую стремятся достичь китайский лидер Си Цзиньпин и его окружение, – переформатировать свое государство в страну не только с общегосударственной цифровой инфраструктурой, но и с эффективно действующими на провинциальном и местном уровне компьютерными сетями [3, с. 213].

Важно при этом отметить тот факт, что Китайская Народная Республика вступила в процесс цифровизации народного хозяйства позже стран Запада, Японии и Южной Кореи. Данный факт обусловил длительное отставание Поднебесной в данной сфере. В соответствии со сведениями, которые приводит Чайна Инфо (China Info – научно-исследовательский центр Китая, занимающийся проблемами информатизации), в середине 1990-х гг. объем сетевой экономики КНР составил лишь около четырех с половиной миллиардов долларов, что более чем в шестьдесят раз уступало объему данного сектора в Соединенных Штатах, в двадцать три раза – Японии, в шесть раз – Британии. Только в первое десятилетие XXI в. Китай начал ускоренными темпами сокращать столь значительное отставание. По данным китайского научно-исследовательского института Тенсент (Tencent) «Интернет плюс цифровая экономика в Китае – 2017», по состоянию на предыдущий, 2016 год, совокупный доход, полученный цифровым компонентом народного хозяйства КНР, составил более 22 триллионов юаней – т.е. 390 миллионов долларов. Таким образом, сетевая экономика Китая вышла на второе место в мире, уступая лишь цифровой экономике США [4, p. 135].

Степень влияния электронного компонента в экономике КНР неуклонно возрастает. Например, в 2016 г. доля цифровой экономики в народном хозяйстве Поднебесной достигла свыше 30%, в то время как в 1996 г. она была всего 6%. Следовательно, прирост составил 25% за двадцать лет. В то же время и по положению на конец 2020 г. темпы роста электронной экономики Китая заметно уступали показателям США, Японии и Соединенного Королевства, что, по словам Си Цзиньпина, должно подталкивать китайское государство и экономистов к интенсификации данного процесса. По утверждениям аналитиков Чайна Инфо 100, к концу 2010-х темпы роста электронного сегмента народного хозяйства существенным образом превалировали над объемами роста валового внутреннего продукта. Так, в Соединенных Штатах перед началом нового десятилетия они составили около 7% и, таким образом, превзошли темпы роста американского ВВП (всего полтора процента) в пятикратном размере. Японская дистанционная экономика достигла отметки 5,5% роста (общий ВВП – чуть менее 5%) – т.е. менее чем в один раз, британская – около 5,4% (британский ВВП – 2%) – чуть более чем в два раза [5, p. 112].

К декабрю 2020 г. показатели роста цифровой экономики в Китайской Народной Республике впервые превзошли результаты двух из указанных выше трех мировых гегемонов цифровизации: 16,5% против менее чем 7% прироста ВВП – иными словами, более чем в два с половиной раза. Современное человечество живет в реалиях глобализации, главными параметрами которого являются экономические критерии. По существу, национальные экономики во все большей степени интегрируются в мировое народное хозяйство и находятся во все более существенной взаимозависимости. В течение нескольких десятилетий в рамках глобализационных процессов происходит международное разделение труда и международная специализация. Их главным параметром является тот факт, что развитые страны производят высокотехнологичную продукцию и концентрируются на сфере услуг, в то время как развивающиеся государства представляют собой поставщиков природных ресурсов и неквалифицированной рабочей силы. Стремление китайских властей войти в число развитых стран и занять значимое место в международной торговле послужило дополнительным фактором в вопросе развития инновационной экономики внутри страны [6, p. 87].

Интегративные процессы, запущенные под воздействием глобализации и ее важной составляющей – цифровизации предпринимательской деятельности, радикальным образом воздействуют на систему ретейла – сбыта товаров и услуг, ориентированных на личное или семейное потребительское использование, а не для применения в бизнесе, – иными словами, на рынке продаж конечных, а не промежуточных товаров и услуг. В Китае (как, впрочем, и в Российской Федерации) данные изменения выражаются в стремлении фирм выйти на международные потребительские рынки в поиске новых покупателей своей продукции. Во внешней торговле, помимо понятия «цифровая экономика», применяется и такой термин, как «сетевая (электронная) коммерция» – Web (Electronic) Commerce. Данное терминологическое понятие имеет непосредственное отношение ко всем сделкам в области финансов и торговли, заключаемым при использовании компьютерных технологий. В современных условиях употребляется и отдельное понятие – рынок электронной коммерции. Данный рынок с каждым годом во все большей степени упрочивает свои позиции в мировой экономике, чутко реагируя при этом на сколько-нибудь существенные изменения на международном рынке [7, с. 14].

Согласно статистическим данным ряда аналитических международных компаний, прибыль, получаемая предприятиями сетевого сектора, возрастает с каждым годом. По положению на начало 2021 г. рынок электронной коммерции обретает все более прочные позиции в общемировой цифровой экономике.

Как отмечают аналитики консалтингового отдела российской группы компаний Адмитэд (Admitad), ориентированной на работу на рынке электронной торговли, к концу 2020 г. Китайской Народной Республике удалось выйти на лидирующие позиции в сфере сетевой коммерции. Прибыль китайских интернет-компаний от экономической деятельности в данной сфере составила четыре с лишним миллиарда юаней, т.е. 600 миллиардов долларов, что на 125 миллиардов превысило доходы США, на 500 миллиардов – Британии, на 550 миллиардов – Германии. Доходы России в данном секторе экономики в сравнении с китайскими выглядели весьма низкими – всего 18 миллиардов (иными словами – в 33 раза меньше) [1, р. 77].

Подобные успехи КНР выглядят тем более впечатляюще с учетом того обстоятельства, что формирование рынка сетевой

коммерции в Поднебесной в начале XXI столетия воспринималось на Западе как дорогостоящая авантюра. Теперь же западные консалтинговые компании вынуждены констатировать, что изучение китайского опыта по данной проблематике является необходимым условием для обеспечения западным цифровым корпорациям возможности конкурировать с аналогичными им китайскими фирмами. Данные факты обосновывают заинтересованность российского бизнеса в заключении партнерских соглашений с китайскими интернет-предприятиями – как для получения доходов, так и для использования в своей деятельности китайских наработок в цифровой экономической стратегии. При этом российским предпринимателям приходится досконально продумывать предложения, способные заинтересовать потенциальных китайских партнеров по сетевой торговле.

Российские аналитики с 2012 г. ведут активную работу по расчетам критериев отбора приемов в сфере маркетинга, которые позволяют в максимальном объеме продвинуть российскую сетевую продукцию на соответствующий китайский рынок. Данная стратегия в экономической теории обрела наименование – интернет-маркетинг (второе наименование – онлайн-маркетинг). В трактовке ряда экспертов данный вид маркетинга являет собой один из его самостоятельных сегментов, в котором традиционные маркетинговые приемы используются с поправкой на реалии сетевой коммерческой системы. В Китайской Народной Республике ведется активное развитие средств онлайн-маркетинга, которое, с учетом его специфических характеристик, подлежит детальному рассмотрению. Прежде всего, это касается анализа используемых в Китае мобильных приложений. Наибольшим количеством потребителей располагает в Поднебесной такая сетевая платформа, как WeChat («мы общаемся», «мы болтаем»). Второе место по числу пользователей занимает приложение, разработанное фирмой Тенсент QQ (название произошло от сокращения ICQ – АйСиКью – одной из первых мировых социальных сетей), – служба мгновенного обмена сообщениями. Также в лидирующую пятерку мобильных приложений Китая входят Байду (Baidu) – приложение, спроектированное в одноименной веб-сервисной компании, видеопортал Йоку (Youku), принадлежащий владельцу китайского домена Youku.com Виктору Ку, и Сина Уэйбо (Sina Weibo) – микроблоговый сервис Поднебесной, спроектированный компанией Сина Корп (Sina

Согр) и представляющий собой социальную сеть, имеющую ряд аналогий с Твиттером и Фэйсбук. Следует констатировать, что время от времени данные приложения меняются местами в приведенном рейтинге [5, p. 53].

В расчете на укрепление своих позиций на международных сетевых рынках китайские специалисты в сфере развития высокотехнологичной продукции полагают, что КНР имеет шансы на это при успешной реализации внедрения Industry 4.0 во всех отраслях промышленности страны и постоянного совершенствования своей работы в области информационно-коммуникационных технологий. При этом открытость в работе цифровой экономики КНР, как отмечают данные эксперты, является базовым условием достижения успеха. Замкнутость в данном вопросе грозит стагнацией и отставанием от конкурентов.

На протяжении 2010-х годов Китай превратился в одного из лидеров в сфере производства аппаратных средств защиты информации. Единственной областью цифровой экономики, в которой наблюдается определенное отставание китайских сетевых компаний, является проектирование программного обеспечения, а также компьютерный дизайн. Затруднения в последнем аспекте, исходя из расчетов экспертов, вызваны спецификой дизайнерских решений китайских компаний, во многом ориентирующихся на традиционные каноны Поднебесной и не всегда встречающих одобрение в западноевропейских странах, США и Канаде [4, p. 221].

Что характерно, дизайнерские решения программистов Поднебесной зачастую подвергаются критике даже в Южной Корее и Японии, ментально близких к Китаю странах. При этом китайские интернет-корпорации проявляют большую заинтересованность в расширении контактов с российскими партнерами, так как дизайнерские разработки, проектируемые в Российской Федерации, в большей степени соответствуют эстетическим вкусам сетевых потребителей из развитых стран. Также китайские предприниматели, работающие в сфере цифровой экономики, принимают во внимание и достижения российских разработчиков в сфере программного обеспечения. С учетом данного обстоятельства, Поднебесная стремится к укреплению партнерства с Россией в данном сегменте научно-производственных отношений.

Следует проанализировать шаги, предпринятые в Китае с конца 2000-х годов для интенсификации перехода к полномасштабно-

му сетевому народному хозяйству. Прежде всего, следует принять во внимание ряд мероприятий практического характера, осуществленных китайскими политическими руководителями в сфере развития цифровой экономики, в особенности – в области информационно-коммуникационных технологий.

В первую очередь, правительственные учреждения КНР стали все больше акцентировать внимание на развитии информационной грамотности как таковой и повышении образовательного уровня китайских граждан в целом. Как отмечал в 2011 г. в своем выступлении на Четвертом саммите G20 тогдашний Председатель Китайской Народной Республики Ху Цзиньтао, стремление осуществлять инновационную деятельность в экономике должно закладываться в сознании учеников едва ли не в начальной школе. Он далее подчеркнул, что без достаточного финансирования образовательной системы Китай окажется не в состоянии продолжать экономическую деятельность в рамках инновационных программ. При этом представители всех общественных групп страны должны иметь равный доступ к среднему и высшему образованию, так как, в соответствии с конфуцианскими принципами администрирования – основой управленческой системы Китая при любом политическом режиме, управлять всеми сферами жизни должны лучшие специалисты.

Председатель КНР также отметил, что при правильном подходе финансирование системы образования превратится в инвестирование – т.е. излечение материальной выгоды для Поднебесной посредством подготовки высококвалифицированных специалистов в сфере высоких технологий и цифрового народного хозяйства. Тем не менее, к концу 2020 г. затраты государства на образовательную систему составили лишь 4% валового внутреннего продукта, при том, что в развитых странах на данную сферу выделялось от пяти до семи процентов ВВП. С учетом того факта, что внутренний валовой продукт Китая уступает, к примеру, американскому в шесть раз, а японскому – в четыре раза, разрыв представляется более ощутимым. В Китае отдают себе отчет в указанной выше проблеме, но стараются решить ее за счет не только большего объема финансирования, но и перехода от классического образования, основанного на экзаменации выпускников, к ориентации на персональный подход к каждому обучающемуся и развитие его творческого потенциала и аналитического мышления. При этом

в Поднебесной учитывают успех в данной области Запада, Японии и Республики Корея, который, по оценкам специалистов международной Организации Экономического Сотрудничества и Развития, базируется на высоком уровне качества новых образовательных стандартов, спроектированных на основе указанных выше гуманистических принципов [7, с. 14].

В системе высшего образования КНР достигла в 2010-2020 гг. значительных успехов в количественных показателях, однако не слишком преуспела по качественным критериям. Сложности, с которыми сталкивается Китай в данном вопросе, специалисты объясняют огромным по численности населением, своеобразием китайской географии, разрывом в развитии различных регионов, инерционностью и консервативностью мышления большинства китайцев. Стремление правительства добиться улучшения результатов без увеличения бюджетного финансирования – причем в значительных объемах – является серьезным препятствием на пути к поставленной цели. Развитые экономики выделяют более чем значительные средства на развитие программы R&D – Исследование и Развитие. Учитывая этот факт, Государственный Совет КНР еще в 2006 г. разработал масштабный проект научного развития, в который были включены как фундаментальные, так и прикладные разработки. К 2015 г. удельный вес инвестирования в данной сфере составил уже более 2% от ВВП и удалось, таким образом, превзойти западноевропейские страны и сравняться с США, однако не удалось догнать Южнокорейскую Республику и Сингапур, где показатели составили порядка 4% [8, р. 509].

Однако большие, чем в реализации R&D, затруднения Китайская Народная Республика испытывает в развитии научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР), т.е. комплекса мероприятий, ориентированных на приобретение новых знаний для практического применения при разработке нового продукта или технологии. На данную сферу в Китае выделяется десятая часть от общих расходов на цифровой сегмент народного хозяйства, в то время как в развитых странах на эту программу отчисляется от четверти до половины всех средств на данном направлении. Западные специалисты обычно указывают на уязвимое, с их точки зрения, место КНР в данной области – большинство научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ в стране проектируется бюджетными научно-исследовательскими

институтами и государственными компаниями. Доля предприятий, принадлежащих частным фирмам, весьма невелика (по показателям 2015 г. она составила не более 18% от общего числа). Это, по мнению американских и канадских экспертов, ослабляет конкурентоспособность Китая в сфере НИОКР [9, р. 205].

Однако подобные пропорции обусловлены не диктатом китайского правительства, а тем фактом, что китайские интернет-мегакорпорации в течение долгого времени сами не стремились к активизации действий в данной сфере, так как осуществляли продуманную подготовку к этому процессу. Уже в 2015 г. сетевые предприятия Хуавэй, Сяоми Цзитуань, Корпорация ZTE, Инспэр Групп и Леново начали переход от доработки иностранных новаторских идей к созданию собственных инноваций в сфере сетевых технологий. Данный фактор способен обеспечить значительный прорыв Китая в международной цифровой экономике. В настоящий момент около 80% инновационных товаров и около 70% запатентованных авторских изобретений проектируются средними и малыми китайскими предприятиями, которым не предоставляются ссуды в больших объемах, что побуждает их постоянно искать альтернативные источники финансирования. Кроме того, их совокупные производственные мощности не в состоянии обеспечить Китайской Народной Республике лидирующего положения в сфере высоких технологий на мировой арене (тем более что малые и средние коммерческие предприятия работают, как правило, на внутренний рынок). Таким образом, повышение активности китайских медиагигантов способно существенно улучшить показатели страны в данной области производственных отношений. В то же время китайское руководство с 2018 г. предпринимает меры по снижению ставки рефинансирования для малого и среднего предпринимательства, вводит налоговые льготы, выплачивает данным предприятиям дотации, организует переподготовку их специалистов по новейшим методикам за счет бюджета. Эти и подобные им меры способны, в том числе, простимулировать малые и средние фирмы к организации своей внешнеторговой деятельности [10, с. 6].

После прихода к власти в КНР Си Цзиньпина в 2012 г., власти Китая проводят большую работу по обеспечению прозрачности функционирования банковской системы и ведут жесткую борьбу с теневым сектором народного хозяйства. Официальный Пекин на

уровне уголовного законодательства защищает средние и малые предприятия от посягательств со стороны криминальных структур. Государство вкладывает значительные средства в развитие венчурных фирм, ориентированных на производство инновационных разработок, а также способствует привлечению иностранных инвестиций, направляемых в данный вид предприятий. Наибольшее вспомоществование получают предприятия, работающие в сфере развития робототехники и электроники.

В налоговой политике в отношении интернет-предприятий Си Цзиньпин продолжает политику своего предшественника Ху Цзиньтао, по инициативе которого еще в 2008 г. корпоративный налог, взимаемый с фирм, работающих в сфере хай-тек (высоких технологий), понизился с 25% до 15. При этом статус предприятия, работающего в сфере высоких новых технологий – *high and new technology enterprise* (HNTE), фирма обретает при условии наличия по меньшей мере одного авторского изобретения, зарегистрированного на территории Китайской Народной Республики [11, с. 58]. Также данная корпорация должна относиться к числу восьми аспектов экономической деятельности, классифицируемых руководством в качестве инновационных. В данный перечень включены следующие направления: 1) технологическое развитие в области авиации, космонавтики и аэродинамики; 2) энергетическая сфера; 3) сфера инновационных услуг; 4) производство новой продукции; 5) биологические и фармацевтические разработки; 6) проектирование инноваций для традиционных секторов народного хозяйства; 7) новации в экологической сфере; 8) электротехника и электроэнергетика. При этом компании получают лицензию лишь на трехлетний срок, после чего государственные структуры производят перепроверку их деятельности и, в случае выявления несоответствий заявленной деятельности, лишают государственной поддержки.

Следует отметить, что в подобной фирме не менее трети от общего штата сотрудников должны являться специалистами в технической сфере; количество сотрудников, занимающихся научно-исследовательскими и опытно-конструкторскими работами, не должно составлять менее десятой части работников предприятия. Затраты на НИОКР также находятся под государственным контролем [12, с. 91]. Данная статья расходов не должна составлять менее 6% от общей годовой прибыли для корпораций с оборотом менее

50 миллионов юаней (примерно семи с половиной миллионов долларов). Для предприятий с оборотом от 50 до 200 миллионов юаней эта расходная статья составляет не менее 4% (около 30 миллионов долларов); 3% установлено для компаний с оборотом, превышающим 200 миллионов юаней. Кроме того, по меньшей мере 60% издержек на НИОКР должны быть израсходованы на китайской территории. Также 60% прибыли предприятия должны извлекаться от деятельности в сфере хай-тек. Фирма, имеющая статус *high and new technology enterprise*, не облагается налогом на часть своих доходов – в размере 150% издержек на НИОКР, что определяется как налоговый супервычет [13, р. 34].

Зарубежные фирмы, работающие в сфере информационных технологий, на территории КНР не облагаются налогом на прибыль в течение двухлетнего срока. Далее они выплачивают 15% вместо 30. До 2017 г. иностранные сетевые компании получали налоговый вычет в размере 3% от налога на добавочную стоимость. Фирмы, ориентированные на производство микросхем, не выплачивают корпоративный налог в течение первых двух лет своего функционирования, затем, на протяжении трехлетнего срока – лишь половину от размера данного налога. Те предприятия, чьи издержки на производство микросхем выходят за рамки суммы в 8 миллиардов юаней (около полутора миллиардов долларов), освобождаются от данного налога на пятилетний срок, а на следующие пять лет облагаются вдвое меньшей ставкой налогообложения.

Сфера производства информационно-коммуникационных технологий в КНР обретает новых высококлассных специалистов в лице возвращающихся из-за рубежа программистов высшей квалификации – в течение только первой половины 2010-х гг. в Поднебесную прибыло около 350 тысяч специалистов, работавших в Западной Европе и Соединенных Штатах. Их возвращение обусловлено резким повышением зарплат для профессионалов, работающих в сетевой экономике в секторе программирования, и предоставлением налоговых льгот и социальных гарантий [14, с. 775].

В 2017-2020 гг. китайское руководство вложило в реновацию интернет-сервисов в стране более 180 миллиардов долларов. Большая часть данной суммы была инвестирована в развитие оптоволоконных трасс и 4G-сетей. Задачи, которые ставят власти Китая в вопросах внешнеторгового аспекта деятельности цифровой экономики, озаглавлены как «китайская мечта». До 2030 г., посред-

ством реализации указанных выше проектов, официальный Пекин рассчитывает превратить Поднебесную в мирового лидера электронной экономики и, в целом, в международного экономического гегемона. Предполагается создание ситуации, когда фраза «сделано в Китае» будет означать признак наивысшего качества, вызывающего повышенный спрос потребителей во всех регионах мира, китайские специалисты в сфере программирования и цифровой экономики станут наиболее высокооплачиваемыми и востребованными на мировом рынке труда, а сам Китай превратится в главного генератора технических инноваций [15, р. 136].

К 2025 г. в КНР запланировано завершение процесса цифровизации промышленного производства, сферы финансовых услуг, а также коммерции. К этому же периоду требуется переход к «умному» производству – всеохватывающему интенсивному применению электронных информационных технологий и киберфизических ресурсов на всех этапах производственного процесса. Не позже этого срока должна быть запущена в эксплуатацию китайская версия Industry 4.0 – так называемой четвертой промышленной революции, перехода к всеобщей роботизации и интеллектуализации производственных товаров. Стремление Китая укрепить свои позиции на мировом сетевом рынке объясняется расчетами аналитиков – к 2027-2028 гг. доля интернет-экономики в мировом народном хозяйстве будет составлять едва ли не 25% от общего уровня. Китайское государство принимает активное участие в конкурентной борьбе за создание наиболее привлекательного по технологическим характеристикам и прочим параметрам «умного» автомобиля – высокоэкологичного вида транспорта, оснащенного автоуправлением, развитой навигацией, работающего на альтернативном источнике энергии. С 2018 г. работа в этом направлении вышла в Китае на качественно новый уровень, а объем инвестирования превысил 500 миллиардов юаней (около 75 миллиардов долларов) [14, с. 782].

Заключение

Активное применение сетевых технологий в народном хозяйстве началось в США еще в 1990-х гг., что положило начало формированию цифрового сегмента народного хозяйства в данной стране, а также иных государствах Запада, Японии и Южной Ко-

рее. В тот же период термин «цифровая экономика» был интегрирован в систему экономических наук. К концу 2010-х гг. дистанционный компонент экономики стал неотъемлемой и едва ли не доминирующей частью мировой экономической системы.

В Китае приступили к освоению цифровой экономики с некоторым опозданием, что обусловило долготелее отставание КНР от мировых лидеров в данной отрасли. Однако за последнюю четверть века – с того момента, как началась цифровизация народного хозяйства страны, в Поднебесной сумели достичь значительных успехов в данном направлении. Китайские интернет-компании не только охватили сотни миллионов граждан Поднебесной, но и вышли на мировой рынок и оказались в числе лидирующих предприятий в сфере дистанционной экономики, стали, наряду с западными корпорациями, показателями знака качества.

Активная деятельность китайских центральных властей, начатая еще в середине 2000-х гг. и направленная на цифровизацию китайской экономической системы, благодаря интенсивной электрификации страны и внедрению широкополосного Интернета практически во всех населенных пунктах Китая, позволила создать развитую систему электронных услуг, охватывающую большую часть полуторамиллиардного населения государства, улучшить транспортную систему страны, ускорить процесс документооборота.

Глобализация, в первую очередь, основана на интеграции национальных экономик в единое мировое народное хозяйство, градация в котором будет осуществляться по принципу «развитые государства – производители высокотехнологичной продукции, развивающиеся – поставщики сырьевых ресурсов», что ведет к преобладанию первых над вторыми. При этом, что вполне логично, расширение сектора цифровой экономики предоставляет больше шансов на утверждение в числе развитых экономических держав.

Китайские власти прилагают максимум усилий для интенсификации своего компонента дистанционной экономики на международном рынке, стремясь сделать свою высокотехнологичную продукцию как можно более привлекательной для иностранного потребителя. Меры, предпринимаемые официальным Пекином на данном направлении, являют собой сочетание гибкости в налоговой политике по отношению к интернет-фирмам с жесткими тре-

бованиями к объемам производства сетевой продукции, а также предусматривают повышение информационной грамотности населения посредством роста доступности высшего образования.

Льготные условия налогообложения для иностранных электронных предприятий, работающих на китайском рынке хай-тек, создают благоприятную среду для получения иностранных инвестиций в цифровую отрасль китайской экономики, а помощь, оказываемая российскими веб-дизайнерами, делает китайскую электронную продукцию более привлекательной на международных рынках. Активное участие Китая в разработке столь высокотехнологичных проектов, как проектирование «умного» автомобиля и «умного производства», наряду с ростом инвестирования дистанционного компонента экономики, обеспечивает реалистичность цели, поставленной китайским руководством, – стать мировым лидером на рынке высоких технологий к середине текущего десятилетия.

Поднебесная, начавшая процесс создания электронного сегмента своей экономической системы несколько позже США, Канады, западноевропейских стран, развитых государств Юго-Восточной Азии, сумела не только преодолеть отставание по количественным и качественным показателям, но и навязать им конкуренцию.

Подобный успех Китая обусловлен эффективной политикой китайского руководства, которое сумело создать масштабную сетевую экономическую структуру внутри страны, существенно облегчившую повседневную жизнь китайских граждан в вопросах потребления товаров и услуг, доступ к информации и общению, получению широких возможностей для заполнения досуга. Поддержка китайскими властями интернет-предприятий в вопросах налогообложения, дотаций, консультирования и продвижения продукции на мировые рынки сбыта – это те факторы, которые обусловили прочность современных позиций китайских сетевых фирм и КНР в целом на мировом электронном рынке и предоставили шанс обрести лидерство в данном компоненте в недалеком будущем – но с долгосрочной перспективой.

Литература

1. Drecher J. Digital Africa: Investing in Africa's Most Untapped Source. – Berlin: Jesper Drescher, 2020. – 172 p.
2. Чэнь Юйцзе. ЭКСПО «Китай – Северо-Восточная Азия» в г. Чанчунь // Китай. Ежемесячный журнал. – 2013. – № 10 (96), май. – С. 11.

- (*Chen Yujie*. EXPO China – North-East Asia in Changchun // *Chjen' Jujcze*. JeKSPO «Kitaj – Severo-Vostochnaja Azija» v g. Chanchun' // *Kitaj. Ezhemesjachnyj zhurnal*. – 2013. – № 10 (96), maj. – S. 11.).
3. Гринин Л. Е., Коротаев А. В. Ближний Восток, Индия и Китай в глобализационных процессах. – М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель», 2016. – 496 с. (*Grinin L. E., Koroataev A. V.* Middle East, India and China in globalization processes // *Grinin L. E., Korotaev A. V.* Blizhnij Vostok, Indija i Kitaj v globalizacionnyh processah. – М.: Моск. ред. изд-ва «Uchitel'», 2016. – 496 s.)
  4. *Kaushik S.* A Quick Guide to Digital Health in China: Telemedicine, Electronic Health Records, Wearables and More. – Essen: Intellicore Press, 2017. – 323 p.
  5. *Shlaeger J.* E-Government in China: Technology, Power and Local Government Reform. China Policy Series. – L.: Routledge, 2020. – 184 p.
  6. *Ruzhuo Liu.* IT audit in China. – Singapore: Cengage Learning Asia Pte Ltd, 2021. – 267 p.
  7. Юй Лили. Роль мобильного Интернета в перестройке отраслевой структуры рынка услуг в Китайской Народной Республике // *Китай. Ежемесячный журнал*. – 2013. – № 5(91). – С. 14. (*Yu Lili.* The role of mobile Internet in restructuring the sectoral structure of the services market // *Juj Lili.* Rol' mobil'nogo Interneta v perestrojke otraslevoj struktury rynka uslug v Kitajskoj Narodnoj Respublike // *Kitaj. Ezhemesjachnyj zhurnal*. – 2013. – № 5(91). – S. 14.)
  8. *Ozkardes C. Y.* Digitalization in China: How is the State Council in China reacting to the Digitalization? – New-York: Harper-Collins Publishers Inc., 2015. – 783 p.
  9. *Oberheitman A.* German and Chinese contributions to digitalisation: Opportunities, Challenges and impacts / A. Oberheitman, T. Heupel, Yang Junging, Wang Zhenlin. – Munchen: Springer Gabler, 2020. – 382 p.
  10. Ван Ивэй. Перебалансировка // *Китай. Ежемесячный журнал*. – 2015. – № 3(113). – С. 6. (*Wang Yiwei.* Rebalancing // *Van Ivjej.* Perebalansirovka / *Van Ivjej* // *Kitaj. Ezhemesjachnyj zhurnal*. – 2015. – № 3(113). – S. 6. // *Van Ivjej.* Perebalansirovka // *Kitaj. Ezhemesjachnyj zhurnal*. – 2015. – № 3(113). – S. 6.)
  11. Чун Яту. Борьба с распространением ложной информации в Интернете // *Китай. Ежемесячный журнал*. – 2017. – № 5(146). – С. 58-59. (*Chun Yatu.* Fighting the spread of false information on the Internet // *Chun Jatu.* Bor'ba s rasprostraneniem lozhnoj informacii v Internete // *Kitaj. Ezhemesjachnyj zhurnal*. – 2017. – № 5(146). – S. 58-59.)
  12. *Scott D.* «The Chinese Century?»: The Challenge to global order. – L.: Palgrave Macmillan. 2008. – 357 p.
  13. The Global Rise of Asian Transformation: Trends and Developments in Economic Growth Dynamics / ed. by P. Hoontrakul. – L.: Palgrave Macmillan, 2014. – 293 p.
  14. *Weber I.* Internet and self-regulation in China: the cultural logic of controlled commodification / I. Weber, Lu Jia // *Media, Culture &*

- Society. – 2007. – No. 29(5). – P. 772-789.
15. *Seifert J. W., Chung J.* Using E-Government to Reinforce Government Citizen Relationships: Comparing Government Reform in the United States and China. – L.: Routledge, 2020. – 184 p.